

10 июня 2018 года

Этой ночью произошёл явный прогресс в моей ситуации. Я всё-таки начал учить местный язык. А жаболюдка, занимающаяся моим лечением, стала ещё и учить меня словам. Правда, это оказалось гораздо сложнее, чем я поначалу представлял. Но лучше записать всё по порядку.

Когда я открыл глаза, то первым, что увидел в сумраке хижины, озаряемой лишь бликами кострища с улицы сквозь щели в стенах, оказалась муха. Казалось, что это наглое толстое насекомое танцевало в воздухе, лавируя среди постоянно перемещающихся теней от ветвей, выполняющих функции стен.

Правда, танец длился не долго. Эта чёрная жужжащая гадина размером с приличного колорадского жука уже через пару минут уселась на мою левую щёку, прямо под глазом. И не просто села, а начала активно ползать, периодически останавливаясь и потирая свои мерзкие лапки, будто примеривалась, куда же меня укусить.

Естественно, мельтешение насекомого по лицу вызвало приступ не только омерзения, но и щекотки. И я на автомате смахнул этот раздражитель.

И только после этого я понял, что ко мне вернулись чувствительность и подвижность! Я снова мог шевелиться!

Я огляделся. Хижина была конусовидной формы, высотой метра три и диаметром всего метра четыре. От земли стены шли вертикально вверх на высоту около полуметра, после чего начинали сначала плавно, а потом всё более резко загигаться внутрь строения, пока не встречались в одной точке точно посередине. При этом возле стен придётся ходить пригибаясь, иначе просто не поместишься.

Моя лежанка находилась точно по центру комнаты, ногами к входу. Окон не было, но они при такой архитектуре и не требовались. Дверной проём закрывал занавес из сцепленных между собой то ли дощечек, то ли толстых соломинок, нарезанных на кусочки по пять-шесть сантиметров в длину.

Возле входа стояла плетёная корзина, из которой торчали пучки гладких листьев, по форме и расцветке напоминающих диффенбахию. Только более вытянутые, достигающие полуметра в длину и сантиметров пятнадцать в ширину.

Мои руки, правая икра и стопы были перемотаны такими же листьями и обвязаны тонкими лианами. Грудь тоже стягивали лианы, видимо, удерживая повязку на спине.

Боли не было совершенно, и я попытался сесть.

- Kon hartastyeza! – воскликнула вошедшая в этот момент жаболюдка. После чего добавила ещё несколько фраз. Я решил, что она не разрешает мне вставать, потому лёг обратно.

Лекарка споро развязала лианы у меня на спине, сняла несколько листов и, удовлетворённо квакнув, вернула всё, как и было.

- Vize elleze hartastyi, - добавила она, закончив перевязку и усевшись перед моим лицом прямо на пол. Только сейчас я смог как следует рассмотреть мою спасительницу. Ну, или одну из тех, кто меня спас. Всё-таки не думаю, что эта лекарка может ещё и из лука стрелять.

Голова без единого волоска, зато покрыта некрупной, растущей откуда-то с макушки вниз,

чешуёй, не больше ногтя на мизинце. Основной цвет чешуи – хаки. Но есть и бурые, рыжевато-коричневые и тёмно-серые вкрапления по три – четыре чешуйки.

На подбородке и шее чешуя увеличивается и достигает уже размера ногтя на большом пальце. Возможно, на теле она становится ещё крупнее, но рассмотреть не возможно – жаболюдка одета. С плеч её свисала меховая накидка по типу робы. И либо она была сшита невероятным мастером, либо сделана из шкуры животного, размером не уступающего носорогу. Ибо швов, кроме боковых, не было заметно. Шерсть на шкуре была красивого иссиня-чёрного цвета с белыми полосами, наподобие тигриной шкуры. Ворс не длинный, сантиметра два – два с половиной.

С шеи жаболюдки свисали сложный амулет из различных костяшек, перьев и деревяшек и костяной пектораль (специально гуглил, как правильно называется такое украшение) – ожерелье в форме широкого месяца с резными фигурками животных. При этом резьба выполнена просто на невероятном уровне – даже в темноте я видел, что у животных можно различить шерсть, а у птиц – перья.

Что примечательно, хоть пектораль и вырезан из костей, но они идеального белого цвета. Мне как-то довелось видеть нэцкэ из кости. Так они были слегка желтоватого оттенка. А тут – как снег.

После минутного молчания лекарка обратилась ко мне с какой-то длинной речью. Некоторые слова я раньше уже слышал от неё. К примеру, часто употреблялось слово «elle». И по жестам, которые она делала в некоторых случаях, у меня сложилось впечатление, что оно означает «ты». Ещё несколько раз она произнесла слово «hartast». Но тут я определить ничего не смог.

Ещё часто встречались «o», «var», «be», «va» «kon». Настолько часто, что я почти на сто процентов уверен, что это вспомогательные слова. Союзы, предлоги, частицы, артикли...

Постепенно голос жаболюдки затих, и она очень внимательно на меня посмотрела.

- Oi! Elle jalatyae?

- Слушаю, слушаю, - мне, почему-то, показалось, что она спрашивает именно о том, слушаю ли я её. – Только всё равно не понимаю.

Не думал, что глаза жаболюдей могут округлиться ещё сильнее, чем они и так есть. Лекарка ещё о чём-то спросила меня, но я лишь отрицательно покачал головой и добавил, что не понимаю ни слова. Они тут как украинцы что ли? Думают, что каждый должен знать их язык?

Жаболюдка ещё несколько минут пристально рассматривала меня, после чего вышла из хижины. Я же вновь оказался предоставлен сам себе.

Лежать на животе я устал. Да, и отлежал уже себя всего. Всё-таки уже третьи сутки тут не вставаячи пузо отлёживал. Но и вставать было страшно. Не зря же лекарка не позволила мне это сделать? Видимо, раны ещё не закрылись.

Пока я размышлял, как облегчить участь моего живота, лекарка вернулась вместе с корзиной. Вновь сев передо мной, она достала из неё фрукт. Внешне – обычное яблоко. Судя по окрасу – осенне-полосатое.

- Asta, - произнесла она и показала на яблоко, после чего ещё раз повторила это слово.

- Аста, - повторил я за ней.

Жаболюдка кивнула, и вновь произнесла, выделяя звук «с», который звучал мягче, чем в моём варианте. В итоге я несколько раз повторил слово, пока не удовлетворил «учительницу» своим произношением.

После этого последовали и другие овощи и фрукты, рыба и какое-то мясо. А потом лекарка обвела все эти предметы руками и сказала

- Eshcte.

- Ешьте? – переспросил я неверяще. Откуда она узнала русский язык.

Лишь после нескольких её произношений этого слова, я понял, что это значит «еда» на жаболюдском. И схожее звучание – не более чем простое совпадение.

К рассвету я услышал от собеседницы порядка ста слов, из которых запомнил всего чуть больше десятка.

Elle – ты (я оказался прав!)

Asta – яблоко (это действительно оказалось обыкновенное яблоко)

Eshcte – еда

Tu – я

Ustare – корзина

Fara – вода

Poreta – рука

Lidu – спина

Jarusutyi – спать (как я понял, у глаголов очень сложная система окончаний, но, судя по всему, у инфинитивов здесь окончание -tyi)

Kurutyi – есть (в смысле «кушать», а не «быть»)

Usty – пить

Us – да

Ka – нет

Liruisera Avaris – имя лекарки.

Когда Аварис только начала меня учить языку, я подумал, что легко справлюсь с этой задачей. Я ведь так просто запомнил несколько фраз, даже не зная смысла. Но всё оказалось не так.

Не знаю, что мне помогло запомнить первые фразы на жаболюдском... Может – просто желание выжить, требующее от меня сверх моих возможностей. Но сейчас, когда я понял, что мне ничего не угрожает, это стало задачей ещё более сложной, чем английский. Тот, хотя бы,

встречается повсеместно. Да, и учить его я начал в далёком детстве, когда мозг ещё не был засорен лишними знаниями. А сейчас я боялся, что даже те слова жаболюдей, что я запомнил, вылетят у меня из головы к следующей ночи. Поэтому, как только с утра проводил родителей, сразу открыл дневник и сел всё записывать. Со временем, думаю, нужно будет обзавестись специальным блокнотом для составления разговорника.

Кажется, зря мы с Сидором вчера выпендривались друг перед другом и не спустились во внутреннее помещение речного трамвая. Кажется, я заболел. По крайней мере чувствую себя разбитым. Нос заложен, горло дерёт, глаза слезятся, голова болит. А ещё и температура стала подниматься.

Сейчас лежу в постели и жду возвращения родителей - они сегодня к бабушке ездили, так что вернутся уже ближе к восьми. Сил встать и что-то готовить нет совершенно. Тем более что и есть-то не хочется совсем.

Пока ждал родителей - уснул. И снова оказался в том мире. Я думал, что туда лишь ночью переносусь! А оказывается - как только усну.

Я впервые увидел местное солнце. Ну, как увидел... Сквозь щели хижины пробивались его лучи. Судя по всему, солнце уже висело невысоко над горизонтом. Я отметил для себя, что хижина поставлена входом на восток. Интересно, все дома у жаболюдей так построены? Блин! Опять отвлёкся! Я же про солнце писал. Так вот, оно отличается от нашего. И ещё сильнее, чем луна. Так как его цвет - синий! Как я узнал об этом? Да даже свет этого солнца отдавал ультрафиолетом, что сильно отличалось от уже привычного мне красноватого света уличного костра.

Я полежал немного, но ни в хижине, ни где-то поблизости не было ни видно, ни слышно кого-либо.

- Лируисера Аварис! - попытался позвать я лекарку. Но крика, как такового, не получилось. Лишь негромкий шёпот.

Через несколько минут я вновь позвал её, в надежде, что хоть кто-то услышит. Но опять тишина.

Так прошло около часа. Солнце скрылось за горизонтом, и на мир опустилась ночь.

Я уже думал, что никто так и не появится сегодня, когда Аварис всё-таки зашла ко мне.

- Galarizatyar?

- Да-да, я проснулся. Блин, я тебя битый час звал.

Естественно, Аварис меня не поняла, и лишь что-то затараторила на своём языке.

Я хотел попросить у неё еды, так как с ночи успел проголодаться, как вдруг резкий неприятный звук выдернул меня из того мира. Надрывался домофон.

Родители пришли опять чем-то недовольные, но узнав, что я заболел, сразу же забыли обо

всём, что их беспокоило, переключив внимание на меня.

В итоге, оставили меня в покое лишь часам к десяти, после того, как я три раза померил температуру, дважды прополоскал горло, промыл нос, поел куриного бульона и яблок (за последними папе пришлось срочно бежать в магазин, так как мама авторитетно заявила «ребёнку нужны витамины»).

Оставшись в комнате один, я снова достал дневник и записал то, что произошло.

Думаю, завтра и послезавтра мне удастся побывать в том мире даже днём, когда буду отсыпаться. Ведь сон – лучшее лекарство. Помогал бы только сон ещё и в том мире от ран. А то мне уже надоело лежать и ничего не делать.

Нет, я, конечно, понимаю, что обучение новому языку сложно назвать ничем не деланием. Но я так не привык проводить столько времени в одном положении... Да и обучением приходится заниматься только умозрительно. Я ведь даже записать за Аварис ничего не могу, так как не чем и не в чем.

Ну, надеюсь, что она мне даст ещё тех волшебных ягод, и я смогу уже, наконец-то, встать.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/15571/311644>